


Сергей Патрушев



Сияние бездны

Сергей Патрушев

Сияние бездны

«Автор»

2026

Патрушев С.

Сияние бездны / С. Патрушев — «Автор», 2026

Белое и чёрное предстают здесь не как враги и даже не как противоположности, но как два вечных голоса, чей напряжённый, неразрешимый диалог и творит саму ткань бытия. Автор ведёт читателя через двенадцать кругов этого лабиринта: от безмолвия, предшествующего рождению, через психологию Тени и этические ловушки добра и зла, через любовную драму ангела и демона и строгий порядок шахматной доски, через союз души и тела, воды и огня, гениальности и лени, к последним, предельным вопросам о правде, земле, небе и смерти. На этих страницах чёрное перестаёт быть цветом траура и становится плодородной почвой, а белое сбрасывает маску стерильной чистоты и являет себя как луч осознанного мужества. Читатель, решившийся на это путешествие, не найдёт здесь утешительных ответов или готовых моральных рецептов. Он найдёт нечто большее: приглашение к обретению той целостности, что рождается не в победе света над тьмой, а в их священном, трепетном примирении.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Сияние бездны

Глава первая. Тишина и жажда

Мы приходим в этот мир, не зная ещё ни одного слова, но уже неся в себе безмолвное знание о двух безднах, между которыми будет пролегать наш путь. Это знание не облечено в мысли, не зафиксировано памятью, оно глубже — оно в самом ритме первого вздоха, разрывающего невесомую тьму материнской утробы, и в ослепительной, режущей белизне нового пространства, куда мы выталкиваем себя криком. Ещё не различая лиц, не понимая звуков, младенец уже существует внутри великого напряжения, внутри диалога, который старше самой жизни. Он пришёл из чёрного в белое, и вся его последующая судьба будет лишь бесконечным колебанием маятника между этими полюсами, попыткой примирить непримиримое, найти устойчивость там, где её по определению быть не может. Белое и чёрное — это не просто краски, украшающие или уродующие поверхность вещей. Это первичные категории бытия, фундамент, на котором воздвигнут храм нашего сознания, и одновременно пропасть, в которую это сознание постоянно заглядывает, испытывая головокружение. Они — альфа и омега любого человеческого опыта, беззвучная музыка, под которую мы танцуем наш краткий танец от небытия к небытию.

Чёрное — это то, что предшествовало нам. Абсолютная, совершенная в своей полноте тишина, не потревоженная ни единой вибрацией. Это цвет непроявленного, цвет бездны, в которой дремлют все потенциалы, все возможные вселенные, все неродившиеся «я». Чёрное не агрессивно, как привыкли мы думать, наделяя его атрибутами зла. Его первичная природа — это покой. Глубочайший, не нуждающийся ни в чём покой неорганической материи, покой космической пыли, которая миллиарды лет странствует во мраке, не зная ни боли, ни радости, ни стремления. В чёрном цвете растворено наше прошлое до начала времён, и именно поэтому оно манит нас с непостижимой, гипнотической силой. Возвращение в чёрное — это не всегда акт отчаяния, как это трактуют те, кто боится тьмы. Часто это глубочайшая, почти эротическая жажда воссоединения с истоком, тоска по утраченному раю неорганического единства, где не было разделения на «я» и «мир», где не существовало мучительной двойственности. Сон — это каждодневное причастие чёрному. Закрывая глаза, мы добровольно погружаемся в его мягкую стихию, отдаёмся его неразличающей власти, и в этом отдавании находим исцеление от ран, нанесённых белым светом дня. Мы просыпаемся обновлёнными именно потому, что на несколько часов перестали быть, позволили чёрной воде сомкнуться над нашей головой, и она, эта вода, вымыла из нас усталость формы, усталость быть отдельным существом.

Но вот приходит белое. Оно врывается как неумолимый, ликующий глашатай, возвещающий о начале. Белое — это насилие над перевозданной тишиной, это звук, рассекающий пустоту. Это цвет явленности, цвет формы, выхваченной из аморфного мрака резцом света. Если чёрное — это безграничный океан возможностей, то белое — это скульптура, уже отлитая в бронзе, это конкретность, граница, определение. И в этом его величие и его трагедия. Белый свет знания безжалостен. Он не оставляет места для иллюзий, для туманных грёз, для всего того зыбкого и неопределённого, что так сладко лелеет душа в своих ночных странствиях. Он требует ясности, требует ответа: «Да» или «Нет». Он разделяет мир на видимое и невидимое, на правильное и неправильное, на моё и чужое. Рождение сознания — это, по сути, и есть акт вторжения белого в чёрное. Первый проблеск «я» посреди безликого океана бессознательного — это ослепительная белая точка, которая стремительно расширяется, структурируя хаос,

называя предметы, выстраивая причинно-следственные связи. Мы становимся людьми лишь в тот момент, когда этот внутренний свет загорается, когда мы выделяем себя из мрака природы и говорим миру: «Я есть». И это «Я есть» всегда написано белым по чёрному.

Вся наша жизнь пронизана этим фундаментальным дуализмом, который мы наивно пытаемся свести к упрощённым моральным схемам. Мы говорим: чёрное — это зло, а белое — добро. Но разве не из чёрной, плодородной земли прорастает белая лилия? Разве не в чёрном, непроглядном космосе рождаются белые, сияющие звёзды, эти гигантские горнила жизни? И разве не чёрная тень подтверждает существование белого света, придавая предметам объём и глубину? Белое и чёрное не находятся в состоянии войны, как полагают пророки упрощённого мира. Они пребывают в вечном, неразрывном танце, в объятии, из которого и соткана сама ткань реальности. Белый день утомляет своей избыточностью. Переизбыток белого — это болезнь. Представьте себе бесконечную снежную равнину под белым, без единого облачка, небом. Это образ безумия, абсолютной дезориентации, белой горячки, где исчезают все смыслы, где глаз, не находя ни единой тёмной точки, ни единой зацепки, перестаёт видеть и погружается в слепоту, которая страшнее любой тьмы. Белое без чёрного — это безмолвный крик чистого разума, оторвавшегося от своих животных, тёмных корней, это диктатура абстракции, под которой не остаётся живой, пульсирующей кровью плоти. Абсолютное белое так же смертоносно, как и абсолютное чёрное. Истина, лишённая тени тайны, перестаёт быть истиной, превращаясь в мёртвую догму. Свет, не отбрасывающий тени, — это не свет, а испепеляющая радиация.

Столь же губительно и чёрное без единой белой искры. Погружение в чёрное без надежды на восход, без воспоминания о свете — это путь в ничто, в наркотическое забытьё, в ту бездну депрессии, где человек превращается в камень, не желающий уже ничего, даже собственного пробуждения. Чёрное, лишённое белого семени смысла, — это могила, в которой похоронены не только тело, но и сама возможность души. Потому что душа — она не чёрная и не белая. Она — та невероятная, драгоценная игра, которая возникает на их границе. Она — та серая зона, которую так боятся моралисты и так ценят мудрецы. Мудрость всегда серого цвета, цвета пепла, в который превращается сгоревшая страсть, цвета утреннего тумана, в котором ещё не проявились очертания дня, цвета старого серебра, хранящего память и о блеске, и о патине времени. Душа — это не поле битвы между ангелом и демоном, а лаборатория, где белое и чёрное смешиваются в бесконечных пропорциях, порождая всё многообразие наших чувств, мыслей и поступков. Здесь, в этом сердце парадокса, мы и должны искать разгадку самих себя.

Возьмём самый интимный, самый сокровенный опыт человека — память. Разве она не соткана из этой двойственности? Есть память чёрная, глубинная, подобная илистому дну океана, где покоятся остовы затонувших кораблей, забытые травмы, первичные страхи, родовые архетипы. Эта память не имеет слов, она проявляется в снах, в безотчётных порывах, в странной меланхолии, охватывающей нас без видимой причины. Это память тела, память воды, память нашего дочеловеческого прошлого. Но есть и память белая, та, что мы тщетно пытаемся удержать усилием воли, — череда ослепительных вспышек-воспоминаний, выстроенных в линейной последовательности. Это даты, лица, выученные стихи, травматичные эпизоды, которые мы прокручиваем в голове, словно заезженную пластинку, надеясь белым светом анализа выжечь их болезненную суть. Но парадокс в том, что самая яркая, белая память — не самая верная. Она искажена светом настоящего, она подретуширована нашим эго. Истина часто прячется в чёрной глубине, в забытьё, и лишь когда белый луч сознания научается нырять в эту тьму, не рассеивая её, а мягко проникая в неё, как свет луны проникает в воду, — только тогда мы можем коснуться подлинного знания о себе. Психианализ, в своём идеальном смысле,

и есть искусство такого лунного, смягчённого света, который не вытесняет тьму, а вступает с ней в диалог.

То же самое и с любовью. Мы привыкли поэтизировать её как нечто белое, сияющее, как сошествие благодати. Но истинная, глубокая любовь, та, что связывает людей на десятилетия, немислима без принятия чёрного начала в другом человеке. Влюблённость — это вспышка магния, чистое, слепящее белое, в котором мы не видим ничего, кроме спроецированного нами же идеала. Но любовь — это когда белое пламя остывает, и ты начинаешь различать в любимом человеке его собственную, непроницаемую тьму. Его тайные страхи, его иррациональные желания, его личную, уникальную бездну, куда нет доступа никому, даже ему самому. И если ты не отшатываешься в ужасе, если ты способен полюбить не только его свет, но и его сумрак, его уязвимость, его хаос, его чёрную, сырую землю, из которой растут его таланты и его странности, — только тогда и рождается таинство «мы». Это «мы» — не просто сумма двух белых «я», а сложное, объёмное пространство, где чёрные бездны двух душ перекликаются, создавая общее, скрытое от посторонних глаз, гравитационное поле. Любовь — это когда ты становишься добровольным хранителем чужой тьмы, а он — твоей. Мы доверяем друг другу то, что никогда не выставляется на яркий свет социального театра.

Социальный театр, кстати, — это торжество белого. Вся человеческая культура — это грандиозная, тысячелетняя попытка отвоевать у чёрного хаоса пространство порядка, осветить мир, сделать его прозрачным, понятным, управляемым. Мы строим города из белого камня, мы заливаем улицы электрическим светом, изгоняющим тени, мы создаём законы, конституции, моральные кодексы — всё это ослепительно белые конструкции, призванные защитить нас от ужаса перед чёрной бездной. Но эта защита оборачивается новой тюрьмой. Белый цвет цивилизации, доведённый до абсолюта, порождает тоталитаризм. Тоталитаризм — это идеологическое белое пятно, стремящееся пожрать всё цветное многообразие мира, выжечь любое инакомыслие, любую тень сомнения. Это мир, в котором всё должно быть «белым и пушистым», понятным и однозначным, мир, в котором нет места ночи, тайне, индивидуальному бессознательному. В этом мире люди превращаются в бледные копии некоего мифического «светлого будущего», лишённые своих тёмных, глубинных корней. Но природа не терпит пустоты. Подавленное чёрное не исчезает, оно уходит в подполье и возвращается в самых уродливых, извращённых формах — в виде массовых психозов, жестокости, поиска козлов отпущения, на которых можно спроецировать собственную, непризнанную тьму. Мы видим, как в обществах, одержимых чистотой — будь то расовой, идеологической или моральной, — расцветает самый чёрный ужас. Это вечный закон: чем ярче свет, тем гуще тень.

И на этом фоне самым поразительным явлением природы, своеобразным посланием, обращённым лично к нам, предстаёт зебра. Она не пытается выбрать сторону. Она не белая с чёрными полосами и не чёрная с белыми. Она — само воплощение неделимого единства противоположностей, живой парадокс, скачущий по африканской саванне. Каждая зебра носит на себе уникальный узор, неповторимую карту пересечения тьмы и света, и в этом её высшая мудрость. Она не ассимилирует тьму светом и не позволяет свету погаснуть во тьме. Она держит их в динамическом равновесии, и именно эта полосатость делает её невидимой для главного хищника — мухи цеце, переносчика сонной болезни. Вот она, глубочайшая метафора! Сонная болезнь духа, апатия, потеря смысла — вот что грозит тем, кто не может принять свою двойственность, кто пытается быть либо морально стерильным белым, либо цинично-депрессивным чёрным. Полосатость души, принятие её сложной, противоречивой природы — вот единственная защита от экзистенциальной тошноты. Жизнь, как и зебра, не сводится к про-

стому ответу. На вопрос «Жизнь — это белое или чёрное?» можно лишь улыбнуться в ответ. Она — динамическое чередование, мерцание, дышащий узор.

Творчество также рождается из этой плодотворной бездны. Художник, поэт, музыкант всегда работают на границе. Они ныряют в чёрные воды бессознательного, в ту область внутреннего хаоса, где нет имён и форм, где всё кипит и бурлит в нерасчленённом виде. Это мучительное, часто опасное путешествие, путешествие Орфея в Аид за своей Эвридикой. Там, в этой чёрной пустоте, художник не видит ничего, но он слушает. Он слушает ритмы, шорохи, стоны, безмолвную музыку сфер, которая не слышна на поверхности дня. А затем он возвращается, и его возвращение — это акт белого творения. Он приносит из тьмы нечто, чего никогда раньше не существовало. Он облакает бесформенный, чёрный трепет в плоть слов, в тяжесть красок, в архитектуру звуков. Чёрный уголь мысли, спрессованный чудовищным давлением страдания или восторга, в один миг превращается в белый, сияющий алмаз завершённого произведения. Но гений художника — не в сиянии алмаза самом по себе, а в нашей способности, глядя на этот алмаз, вспомнить о том чёрном угле, о той первозданной тьме, из которой он был рождён. Великое произведение искусства всегда хранит память о ночи. Оно словно подсвечено изнутри неким внутренним, тёмным светом, недоступным для подражателей. Поделки ремесленников — просто белые камешки, блестящие, но лишённые объёма, лишённые той живой, пульсирующей тьмы, которая смотрит на нас из глаз Джоконды или звучит в последних, незавершённых квартетах Бетховена.

Но если мы от макрокосма творчества обратимся к микрокосму самого слова, мы увидим ту же нерасторжимую связь. Возьмём белый лист бумаги и чёрные чернила. Разве это не совершенная модель нашего существования? Белое поле — это чистая потенция, то самое безмолвие, о котором мы говорили вначале. Оно пугает своей нетронутостью, своей бесконечной свободой, которая может так и остаться бесплодной пустыней. И вот мы макаем перо в чёрную жидкость, в эту сгущённую тьму нашего внутреннего космоса, и наносим первую линию. Букву. Штрих. Мы наносим рану на безупречное белое тело бумаги, мы нарушаем его целомудренную тишину. Но именно это нарушение, это вторжение тьмы и рождает смысл. Без чёрных знаков белый лист — ничто, пустая возможность. Без белого фона чёрные знаки — хаотическое нагромождение, неразборчивая клякса. Только вместе, только в напряжённом контрасте друг с другом они и создают ту вселенную смысла, которую мы называем текстом. Судьба человека — это точно такой же текст, который мы пишем чёрными чернилами своих поступков, ошибок и прозрений на белом листе отпущенного нам времени. И только от нас зависит, что сложится из этих знаков: стройная поэма, путанный роман, страшная трагедия или просто случайный набор слов, бессмысленное царпанье, за которым не стоит ни мужества заглянуть в свою тьму, ни дерзости явить эту тьму в преображённом, светоносном виде.

Смерть в этом контексте — самый загадочный переход. Наивное, «белое» сознание видит её как абсолютно чёрную, как необратимое угасание света, как возвращение в изначальную бездну, откуда нет возврата. Это представление продиктовано страхом, животным ужасом перед исчезновением белого «я». Но если мы принимаем философию единства, картина усложняется. Если жизнь — это напряжённая вибрация между белым и чёрным, то смерть — это не просто падение в чёрное. Это снятие самого напряжения. Это момент, когда волна, бежавшая по поверхности океана, возвращается в океан, когда капля белого сознания вновь растворяется в чёрном море бессознательного. Но растворяется ли она без следа? Неужели уникальный узор нашей «зебры», неповторимый рисунок нашей души, исчезает, как будто его никогда не было? Здесь мы вступаем в область чистой веры или чистого экзистенциального бунта. И самая высокая мудрость, возможно, заключается во взгляде на смерть как на переход в иное качество,

где различие между белым и чёрным больше не имеет значения, потому что они, наконец, достигают того синтеза, которого были лишены в жизни. Этот синтез мы не можем помыслить, не впадая в противоречия, потому что наше мышление само есть продукт этого разделения. Смерть есть то неведомое, где чёрное перестаёт быть цветом траура, а белое — цветом жизни. Где они сливаются в нечто абсолютно новое, для чего у нас нет и не может быть имени. Может быть, это то абсолютное, непостижимое «сияние тьмы», о котором в экстазе писали великие мистики, пережившие опыт клинической смерти или глубочайшего медитативного погружения. Сияние, которое не ослепляет, а, напротив, — дарует зрение подлинное, то, которым мы смотрим не на внешние формы, а на саму суть вещей.

И всё же мы пока здесь. Мы стоим на тонкой границе, на линии горизонта, где чёрная земля встречается с белым небом. В наших лёгких смешивается холодный воздух ночи и первый тёплый луч зари. Сердце наше, этот неутомимый бело-чёрный маятник, отбивает ритм нашего краткого пребывания. И каждое его «тук» — это согласие на жизнь, а каждое «так» — это приятие неизбежной смерти. В этом стуке — вся наша природа: чёрная кровь, венозная, уставшая, несущая отработанные шлаки, устремляется к свету, к лёгким, чтобы очиститься и стать алой, живой, бегущей навстречу миру. Мы устроены так, что сама наша физиология — это непрестанная литургия преобразования тьмы в свет и света во тьму. И научиться жить осознанно — значит научиться слышать эту литургию внутри себя. Не пытаться заглушить её шумом белого дня или наркотическим сном чёрной ночи, а слушать её тихую, неумолимую музыку. В этой музыке — и наше величие, и наша обречённость. Мы — те, кто призван светом во тьму, чтобы в этой тьме зажечь свой маленький, дрожащий на ветру вечно, но такой бесконечно дорогой огонёк. И пусть он не в силах разогнать весь мрак мироздания, его свет делает видимым лицо стоящего рядом, он освещает страницу книги, он позволяет не споткнуться о камень на пути. В этом и есть, быть может, конечный смысл нашего разговора о белом и чёрном. Не в победе одного над другим, а в рождении того уникального, неповторимого свечения, которое возникает только там, где признанная и принятая тьма встречается с мужественным и смиренным светом. Это свечение и есть то, что мы, запинаясь, называем душой, человечностью, любовью. И пока оно длится, пока длится это хрупкое, парадоксальное равновесие между бездной и небом, мы живы. По-настоящему живы.

Глава вторая. Психология тени и луча

Первое, что мы должны понять, спускаясь вглубь собственной психики, — это то, что белое и чёрное являются не просто символами, а самыми настоящими архетипами восприятия, теми осями координат, на которых держится всё здание нашего внутреннего мира. Психика человека — это не чистый лист, на котором опыт пишет свои письмена. Она изначально структурирована этим фундаментальным контрастом. Ещё до того, как младенец научится узнавать лицо матери, его глаз, его древний, рептильный мозг уже реагирует на смену тьмы и света. Эта первая, примитивная реакция становится тем ядром, вокруг которого впоследствии нарастут сложнейшие психологические комплексы, страхи, надежды и вся та величественная и пугающая архитектура, которую мы называем личностью. Психологический смысл белого и чёрного кроется не в культурных напластованиях, хотя они и важны, а в самом первичном бульоне нашего существа, где тьма означала угрозу, а свет — спасение, где ночь таила хищников, а день давал возможность ориентироваться и действовать. Этот эволюционный груз мы несём в себе по сей день, и он определяет нашу жизнь куда сильнее, чем мы привыкли думать.

Начнём с чёрного. В психологическом измерении чёрное — это то, что находится за порогом сознания. Это колоссальная, неисследованная область, которую Карл Густав Юнг назвал

Тенью. Но Тень в юнгианском смысле — это не просто отсутствие света, это живое, активное, дышащее образование. Это та наша часть, которую наше сознательное «я», наша Персона, обращённая к миру своей белой, социально приемлемой стороной, не желает признавать. С самого детства нас учат быть хорошими, светлыми, добрыми. Нам говорят: не злись, не жадничай, не завидуй, не желай. Но все эти чувства никуда не исчезают. Будучи изгнанными с освещённой сцены сознания, они отправляются в ссылку, в подвал души, в чёрную область Тени. И там, в темноте, они не умирают, а, напротив, набирают силу, подобно диким, голодным зверям, посаженным в клетку. Чем ярче и безупречнее старается быть наша Персона, чем сильнее мы заливаем себя белым светом социальных ожиданий, тем гуще, плотнее и опаснее становится наша Тень. Это фундаментальный психологический закон: сила Тени прямо пропорциональна силе света, который её отбрасывает.

Трагедия современного человека заключается в том, что он практически утратил контакт со своей Тенью. Мы живём в эпоху, одержимую позитивом, эффективностью, прозрачностью и успехом. Мы выставляем в социальных сетях безупречно белую витрину своей жизни, тщательно ретушируя любые тёмные пятна. Мы носим белые воротнички, живём в залитых светом офисах с открытыми пространствами, где нет места личной, интимной тьме. Мы поклоняемся культуре осознанности, которая часто превращается в навязчивое стремление высветлить, проговорить и рационализировать каждый тёмный закоулок души, не давая ему права на существование. Но тьма от этого не исчезает. Отторгнутая и непонятая, она начинает мстить. И месть эта может принимать самые разнообразные и разрушительные формы. Она может вылиться во внезапную, неконтролируемую вспышку гнева, которая повергает в шок и нас самих, и наших близких — это наша Тень на мгновение вырвалась из подвала и заговорила своим голосом, голосом обиженного, забытого ребёнка. Она может проявиться в форме проекции: мы начинаем видеть в других людях те самые качества, которые отказываемся признавать в себе. Тот, кто яростно борется с безнравственностью, часто сам одержим подавленными, тёмными желаниями. Тот, кто повсюду видит врагов, угнетателей и завистников, на самом деле встречается лицом к лицу с фрагментами собственной, непризнанной Тени, спроецированной вовне, как изображение на киноэкран. Чёрное внутри нас, не найдя выхода, неизбежно заливает мир снаружи.

Работа с Тенью — это, возможно, самая трудная и самая важная психологическая задача, стоящая перед человеком. И суть её — не в том, чтобы осветить тьму, выжечь её или победить. Это мышление в рамках парадигмы борьбы, войны белого с чёрным, которая здесь совершенно неприменима. Пытаться победить свою Тень — значит вести войну против самого себя, войну, в которой невозможно победить, ибо, уничтожая тьму, ты уничтожаешь собственную жизненную энергию. Ведь в Тени заключены не только наши пороки и страхи, но и наши нереализованные таланты, наша страсть, наша сила, наша способность к спонтанности и творчеству. Злость, будучи осознанной и интегрированной, превращается в способность устанавливать границы и защищать себя. Жадность, понятая и принятая, — в здоровое стремление к обладанию ресурсами, необходимыми для жизни. Зависть — в компас, указывающий на наши истинные, скрытые желания. Истинная психологическая зрелость заключается не в том, чтобы стать абсолютно белым, стерильно чистым ангелом, а в том, чтобы спуститься в свой собственный чёрный подвал, не с факелом, испепеляющим всё живое, а с маленькой свечой сострадания к самому себе. Нужно не изгонять бесов, а пригласить их к столу, выслушать, понять, чего они хотят, и найти им законное, экологичное место в общей структуре личности. Это процесс не осветления тьмы, а скорее — подруживания с ней. Только тогда чёрное перестаёт быть враждебной, пугающей бездной и становится плодородной, таинственной почвой, из которой может

прорасти нечто подлинное. Зрелая личность — это не сияющая белизна, а скорее, благородная серость, результат долгого и тщательного смешения.

Теперь обратим взгляд на белое. В психологии белое — это цвет сознания, цвет Эго, того самого «я», которое смотрит на мир из-за наших глаз. Это луч внимания, выхватывающий из тьмы бессознательного отдельные объекты, фигуры, мысли. Белое — это наша способность к анализу, к структурированию, к речи. Это свет разума, который, как скальпель, рассекает целостный, синкретичный мир на части, давая им имена. Это и благословение, и проклятие. Благословение — потому что именно этот белый луч позволяет нам ориентироваться в реальности, строить планы, достигать целей, отличать «я» от «не-я». Без этого света мы бы растворились в океаническом, психотическом хаосе, не в силах провести границу между собой и миром. Белое сознание — это та стена, что защищает нашу индивидуальность от поглощения безличным. Но проклятие белого в том, что оно неизбежно создаёт иллюзию разделённости. Фокусируя луч на чём-то одном, мы погружаем всё остальное во тьму периферийного восприятия, а затем и вовсе забываем о его существовании. Белое сознание — это сцена, на которой может поместиться лишь ограниченное количество актёров. Оно двойственно по самой своей природе: «я» и «мир», «субъект» и «объект», «правильно» и «неправильно». И в этой дуальности коренится источник экзистенциальной тревоги. Мы чувствуем себя отрезанными, одинокими, противостоящими огромному, непознаваемому миру. Мы боимся, что за границей нашего белого островка сознания плещется бескрайнее, тёмное море бессознательного, которое в любой момент может поглотить нас, растворить нашу драгоценную идентичность в своём безличном единстве.

Этот страх перед поглощением тьмой лежит в основе многих неврозов. Перфекционизм, например, — это отчаянная попытка Эго сохранить абсолютный, стерильный белый контроль над жизнью, не допустить ни единого тёмного пятна ошибки, спонтанности, уязвимости. Обсессивно-компульсивное расстройство — это ритуализированная магия, с помощью которой сознание пытается отгородиться от пугающего, иррационального чёрного хаоса с помощью строгих, белых повторяющихся действий. Тревога, которую мы испытываем в неопределённости, — это трепет Эго перед лицом Тени, страх, что привычный, освещённый мир рухнет, и мы окажемся в полной, непроглядной тьме, где наши правила не работают. Мы судорожно цепляемся за свои белые концепции о себе и о мире, за свои убеждения, за свою правоту, потому что они дают нам ощущение устойчивости. Мы боимся признать, что белое не может существовать без чёрного, что наша сияющая идентичность — это лишь временная конструкция, за которой стоит нечто неизмеримо большее, тёмное и неопределённое. Этот страх заставляет нас ненавидеть всё, что напоминает нам о нашей собственной бездне: чужое мнение, другие культуры, непредсказуемое поведение, тёмные цвета в одежде у других или, наоборот, их вызывающая яркость, — всё, что угрожает хрупкой монополии нашего внутреннего белого света на истину.

И здесь мы подходим к важнейшему психологическому феномену — интеграции, или, иными словами, к обретению серого. Процесс взросления души — это не движение от чёрного к белому, не восхождение от невежества к знанию. Это путь от двойственности к единству, от расколотости к целостности. Внутренне здоровый, глубокий человек — это не тот, кто изгнал тьму, а тот, кто нашёл способ удерживать в поле сознания и белое, и чёрное одновременно, не отрицая ни того, ни другого. Это состояние амбивалентности, которое так некомфортно для примитивного, «чёрно-белого» мышления, и есть признак психологической силы. Способность любить и одновременно злиться на одного и того же человека, не расщепляя его образ на «абсолютно хорошего» и «абсолютно плохого». Способность видеть свои недостатки и при этом сохранять фундаментальное ощущение собственной ценности. Способность при-

знать, что мир несправедлив и хаотичен, но не впасть в цинизм или отчаяние, а продолжать действовать, неся свой маленький белый свет в эту тьму. Это и есть мудрость серого. Это — снятие противоположностей не в теории, а в живом, ежесекундном опыте бытия.

Посмотрите на свои сны. Это лучшая лаборатория для изучения взаимодействия белого и чёрного внутри нас. Дневное, белое сознание отключается, и на авансцену выходит Тень. Сон — это послание из чёрной страны, написанное на языке, который бодрствующее Эго едва понимает. Во сне мы встречаемся со своими монстрами, переживаем запретные желания, говорим с умершими, видим фантастические, пугающие или прекрасные образы, которые не укладываются в наши рациональные, белые схемы. Мы просыпаемся и говорим: «Это просто сон, это неважно». Но это «неважно» — не что иное, как высокомерный ответ белого сознания, которое боится заглянуть в ту бездну, над которой оно стоит. Анализ сновидений — это не просто разгадывание символов по соннику, это акт дипломатии. Это отправка посла в чёрную империю с миссией наладить связь. Сон — это голос нашей целостности, которая больше, чем наше «я». Он компенсирует однобокость дневной жизни. Если человек живёт в слишком жёстком, белом мире догм и правил, его сны будут наполнены мраком, хаосом, погонями, падениями в пропасть — его Тень пытается достучаться, пытается восстановить баланс. Если же человек потерял всякие ориентиры и погряз в депрессивной тьме, сны могут дарить ему образы невероятного, сияющего света, полётов, чистых пейзажей, как бы напоминая о существовании полюса, к которому ещё можно стремиться. Психика, как мудрый гомеостат, всегда стремится к равновесию белого и чёрного, и если сознание не справляется с этой задачей, бессознательное берёт управление в свои руки, часто — самым драматическим образом, через невроз или психоз.

Таким образом, психологический смысл белого и чёрного сводится к драме взаимоотношений между нашим сознательным и бессознательным. Белое — это наша индивидуальность, наш луч, наше слово, наше отдельное «да». Чёрное — это наша связь со всем человечеством, с историей, с животным миром, с космосом, это безмолвное «да» всему, что есть, за пределами оценок. Психологическая болезнь — это война между ними, затяжной конфликт, истощающий силы. Психологическое здоровье — это не мирный договор, ибо напряжение между полюсами должно сохраняться, чтобы жизнь продолжалась, но это прекращение огня. Это умение быть одновременно и отдельной, сияющей личностью, и частью великой, тёмной, безымянной стихии жизни. Это способность удерживать в себе парадокс: «Я — ничтожная пылинка в бесконечном чёрном космосе» и «Я — уникальный центр сознания, озаряющий этот космос белым светом смысла». Тот, кто овладел этим искусством, обретает подлинную свободу. Он больше не раб своего сияющего Эго, которое всё время должно контролировать и быть правым. Он больше не раб своей тёмной Тени, которая пугает и разрушает. Он становится проводником, мостом, по которому тьма и свет текут навстречу друг другу, рождаясь в вечно новом, никогда не завершённом акте творения собственной жизни. И тогда чёрное перестаёт быть цветом депрессии и становится цветом плодородной, таинственной глубины, обещанием нового рождения, а белое перестаёт быть цветом пустоты и холодной стерильности и становится цветом ясности, осознанного выбора и непоколебимого мужества быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.